

Дэгмар Пекова (Варя), Джейн Хеншель (Кабаниха), Юбер Деламбойе (Тихон) и Ангела Деноке (Катя).
«Катя Кабанова» Яначека в постановке Кристофа Марталера.

Независимая газ. - 1998 - 25 авг. - с. 7 Фото Рут Вальц

Вадим Журавлев

3 АЛЬЦБУРГ-98 стал еще и фестивалем очередных премьер: каждый год интендант Мортге вводит в репертуар оперы, которые здесь не звучали ни при Райнхардте, ни при Караяне. В этом году здесь впервые прозвучали «Возвышение и падение города Махагони» Курта Вайля и Бертольта Брехта и «Катя Кабанова» Леоша Яначека. Решенный режиссером Петером Цадеком и сценографом Ришаром Педуши в классической традиции Берлинского ансамбля, спектакль «Махагони» стал одним из главных разочарований нынешнего фестиваля. В конце XX века написанная накануне прихода к власти в Германии фашизма политическая сатира вряд ли актуальна даже в избавившейся от комплекса вины Германии. Цадек прекрасно понимает, что обращение к богатому залу с брехтовскими наставлениями о «бессребрничестве» будут выглядеть просто смешно, и пытается сотворить действо о несвободе любого общества: в декорациях угадываются египетские пирамиды и статуя Свободы. Но у него это получается плохо, и спектакль, который заведомо не должен быть похож на бродвейский мюзикл, не находит удачного воплощения в рамках немецкого театра. Свободная от классической привередливости музыка Вайля, вобравшая музыку американского запада и зонги берлинских кабаре, была очень скучно интерпретирована дирижером Денисом Расселом Дэвисом и оркестром Австрийского радио. И даже участие звезд — великой Гвинет Джонс (которая, правда, уже закончила выступать) и Кэтрин Мальфитано — не спасло спектакль от «неуспеха». И только бравый американский тенор Джерри Хедли (лесоруб Махони) заставил досидеть до конца спектакля.

В отличие от Цадека, чей оперный дебют в Зальцбурге оказался неудачным, другой лидер немецкого театра Кристоф Марталер (после Чеховского фестиваля он стал любимцем и в Москве) второй раз берется здесь за музыкальные спектакли: Два года назад его постановка «Лунного Пьеро» Шёнберга была принята благосклонно, на этот раз его «Катя Кабанова» стала наряду с «Франциском» Мессиана главными событиями фестиваля. Написанная в 20-х годах малоизвестным за пределами города Брно композитором опера на сюжет «Прозы» Островского, в последние годы стала одной из самых популярных опер XX века. Ренессанс музыки Яначека добрался до Зальцбурга в любимой оболочке Марталера: крохотная квартирка в социалистической Чехословакии не может не породить антагонизма между Катей и ее свекровью. Скандалы и выяснение взаимоотношений происходят на глазах соседей, тарашащих на них глаза от скуки. Мир Кабанихи — это коврики с оленями, серванты с хрустальными рюмками (от Волги остался календарик на стене) — ограничен глухой стеной, мир Кати — вся остальная сцена с высохшим фонтаном посередине. Экспрессионистская, близкая немецкой традиции музыка Яначека овевана моравским фольклором и в идеальном воплощении оркестра Чешской филармонии под управлением Сильвена Кембrellинга представляет гурманское пиршество. (Так и просится вопрос, почему оперы Яначека в России не ставят?) Прекрасный ансамбль немецких певцов, разучивших партии на чистом чешском языке, все же не смог затмить уникальную молодую певицу Ангелу Деноке. Ее звезда зажглась в прошлом году, когда она исполнила партию Мари в «Воцшеке» Берга. А ее Катерина, худая, белобрысая, простоволосая, кутающаяся

в старомодный кургузый плащик, заставляла зал страдать и ненавидеть косный мир Кабанихи ничуть не меньше, чем в классических русских душераздирающих постановках. И смерть Кати в высохшем фонтане ничуть не вызвала расстройства из-за отсутствия роскошеств водных пейзажей. Марталер еще раз подтвердил, что гениальный режиссер может с одной «примочкой» поставить любой спектакль так, что никто не заметит бедности его «инструментария».

Впрочем, здесь стоит отвлечься от музыкальной программы и обратиться к драматической. Оставленная Петером Штайном, эта часть фестивальной программы в этом году проходила под руководством критика и драматурга Ивана Нагеля, который после первого своего фестиваля уже успел отказаться от дальнейшего своего участия. Идея представить широкомасштабно ведущего драматурга Австрии Эльфриде Йелинек оказалась современной, но на фоне работы Роберта Уилсона над «Смертью Дантона» Бюхнера явно проиграла. Спектакль Уилсона вызвал череду жарких споров, но тем не менее все билеты были проданы еще за несколько месяцев. Вместе с артистами Берлинского ансамбля (во главе с уникальным Мартином Вуттке) Уилсон поставил «Смерть Дантона» изобретенным им театральным языком, с которым московская публика смогла познакомиться на последнем Чеховском фестивале. И хотя Бюхнер — скорее автор для XX века, Уилсон довольно редко обращается к репертуару века прошлого, причем не изменяя текста. Культовый режиссер блестяще «расправился» с пьесой романтической эпохи, как и Марталер, доказав универсальность своих театральных приемов. Партерная публика валом валила со спектакля, но в финале зал неистово благодарил актеров.

Зальцбург

Марталер
Катерина Кабанова уютно на фонтане

204